

ГЛАВА VII.

О подготовкѣ учителей и профессоровъ.

Бывшій Главный Педагогический Институтъ. Отчего его закрыли. Необходимость специальной подготовки учителей и профессоровъ, по крайней мѣрѣ пѣкоторыхъ. Составъ или факультеты и предметы, какіе должно желать въ высшемъ или нормальномъ училищѣ для подготовки учителей. Мѣсто для его учрежденія. Возможная стоимость его устройства и годового содержанія.

Сводя въ одно цѣлосъ сумму впечатлѣній прошлой исторіи и современности, можно, конечно лишь условнымъ образомъ, выразить ту мысль, что народы Азіи представляютъ своего рода тезу, а европейцы антитезу и что нуженъ синтезъ, котораго еще недостаетъ. Сущность этой мысли сказалась у славянофиловъ, и хоть я никоимъ образомъ не могу себя причислить къ ихъ, доброму числу, но все же полагаю вмѣстѣ съ ними, что въ нась, русскихъ, больше всего имѣется задатковъ всякаго рода для достижения этого синтеза, хотя по настоящее время видна только первичная къ тому подготовка, сказавшаяся, быть можетъ, лучше всего въ окончаніи примѣчательнѣйшихъ стиховъ Пушкина „Чернь“:

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, ис для битвъ.
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“.

Сказано это про поэтовъ вообще, но едва ли при этомъ самъ Пушкинъ не имѣть въ виду, судя по смыслу всего стихотворенія, именно современныхъ ему русскихъ вообще, объединяя этимъ понятіе о лучшихъ людяхъ, какъ между простолюдинами, такъ и въ образованнѣйшихъ классахъ, такъ какъ и тамъ и тутъ русскій человѣкъ больше живеть еще и понынѣ мечтою о предстоящей будущности, о возможномъ

впереди синтезъ. Очевидна всѣмъ вдумчивымъ людямъ надобность какъ-то сочетать индивидуализмъ, развившійся преимущественно въ Европѣ, съ общественно-государственнымъ строемъ, родившимся въ Азии и тамъ развившимся даже до нѣкоторой степени уролства, по какъ и въ чёмъ долженъ выражаться этотъ ожидаемый синтезъ, сказать едвали кому-нибудь возможно. Но одно тутъ несомнѣнно, что онъ совершился не иначе, какъ при посредствѣ развитія образования. На него смотрѣли долгое время только съ индивидуалистической точки зрѣнія, но уже и въ тѣхъ полубезсознательныхъ рѣчахъ, которыя повсюду слышатся о необходимости письменного образования, видно стремленіе придать ему общее государственное значеніе. Отсюда, пропуская нѣкоторыя логическія пустяки, легко вывести то, для меня инстинктивно несомнѣнное, заключеніе, что первѣшую заботою странъ, подобныхъ Россіи, видящихъ свой идеалъ впереди, а не сзади, должна служить забота объ образованіи наставниковъ всякаго рода, а въ особенности для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній; прочее все еще можно предоставить индивидуальности и случайности, а этого ни въ коемъ случаѣ не должно, т. е. къ образованію наставниковъ высшихъ степеней надо приложить много усилий и средствъ страны, если она хочетъ разыгнать своей жизни впереди и хотеть, хоть и постепенно, достигать желаемаго синтеза.

Вотъ та моя завѣтная мысль, которой я посвящаю эту отдельную главу: о потребности строго обдуманной, особой организаціи для получения необходимыхъ намъ наставниковъ. Нельзя закрывать на то глаза, что зачастую основныя мысли, склоняющіяся, имѣютъ совершение иное направление, т. е. говорить не рѣдко, что наставники всякаго рода должны быть прежде и главнѣе всего воспитаны жизнью и изъ нея черпать тѣ силы, какія нужны для ся + дальнѣйшаго теченія. Изъ за этой самой мысли и закрыть было въ свое время, въ началѣ 60-хъ годовъ, Главный Педагогический Институтъ, назначавшійся исключительно для приготовленія учителей гимназій и даний многихъ первыхъ самостоятельныхъ русскихъ профессоровъ, ученыхъ и дѣятелей всякаго рода, начиная съ Н. А. Добролюбова и Н. Н. Страхова. При закрытіи этого Института проводилась та мысль, что въ Педагогическомъ Институтѣ, какъ въ закрытомъ учебномъ за-

ведений, юношество отрывается отъ жизни, а отъ учителей необходимо-де требовать прежде всего полного съ нею знакомства, которое будто бы и доставляютъ открытые учебные заведенія. На оборотной сторонѣ этого начала написанъ консерватизмъ и подчиненіе учителей толпѣ. Съ своей стороны я думаю, что жизнь нельзя перестраивать и улучшать, не отрываешься отъ нея, что сказалось даже въ уединеніи, приписываемомъ не только Христу передъ его открытой проповѣдью, но и Буддѣ, даже Заратустре. Консерватизмъ дѣло великое и неизбѣжное, но особо заботиться объ немъ въ дѣлѣ просвѣщенія никакой нѣть надобности, потому что оно прежде всего состоитъ въ передачѣ науки, а она есть сводъ прошлой и общепринятой мудрости, почему люди, проникнутыес наукой, неизбѣжно въ нѣкоторой мѣрѣ консервативны по существу, и имъ надо учиться не отъ толпы, не отъ тренія въ консервативномъ обиходѣ, а отъ мудрецовъ, которые сами искали высшихъ началъ въ уединеніи отъ толпы, въ проникновеніи новой тайной, въ отчужденіи отъ мелочности жизненныхъ заботъ, хотя бы на все то время, въ которое должно получиться проникновеніе началами, передаваемыми въ послѣдствіи другимъ. Всѣмъ этимъ я хочу сказать во-первыхъ то, что закрытіе Главнаго Педагогического Института было крупною ошибкою своего времени, во-вторыхъ, что при желаніи имѣть въ странѣ учителей и профессоровъ, могущихъ двигать страну впередъ, полезно возобновить прежній приемъ, т. е. вновь учредить, да не одинъ, а нѣсколько училищъ наставниковъ или Педагогическихъ институтовъ и въ третьихъ, что для ихъ надлежащаго успѣха полезно по прежнему устройство закрытыхъ учебныхъ заведеній. Здѣсь надобно, конечно, прибавить ту оговорку, которая въ сущности дальше должна во многихъ случаяхъ подразумѣваться, что времена перемѣнились и многие порядки, сообразно съ тѣмъ, должны претерпѣть свои измѣненія. Сущность пользы отъ закрытаго заведенія сводится не только на то, что у ихъ питомцевъ больше времени для занятій и углубленія въ науку и предстоящія жизненные отношенія, чѣмъ у студентовъ открытыхъ учебныхъ заведеній, но и въ томъ, что въ закрытомъ учебномъ заведеніи общеніе молодыхъ силь неизбѣжно развито въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ и го-

раздо больше общности и цѣлости во всемъ, начиная съ привычекъ и кончая міровоззрѣніями. Сужу объ этомъ по личному примѣру, потому что самъ обязанъ Главному Педагогическому Институту всмъ своимъ развитіемъ. Послѣ первого же года вступленія въ него, со мной приключилось кровохарканье, которое продолжалось и во все остальное время моего тамъ пребыванія. Будь я тогда стипендіатомъ или вообще приходящимъ слушателемъ, я бы лишенъ былъ всякой возможности удовлетворить возбужденную жажду знаній, а тамъ все было подъ рукой, начиная отъ лекцій и товарищай, до библіотеки и лабораторіи, время и силы не терялись на хожденіе въ погоду, ни на заботы объ обѣдѣ, платьѣ и тому подобномъ. Намъ все было дано, все было легко доступно, и мы брали предлагаемое потому, что отъ нашихъ профессоровъ учишали то, гдѣ и что лучше всего слѣдовало взять. Все тѣло зависѣло, конечно, отъ того направленія, которое имѣло все учебное заведеніе, а оно опредѣлилось тѣмъ, что профессора его были первоклассные ученые своего времени, какъ Остроградскій по математикѣ, Савичъ по астрономіи, Ленцъ и Купферъ по физикѣ, Брандъ по зоологіи, Воскресенскій по химіи и т. под. Остановлю вниманіе еще на томъ, что предметовъ или профессоровъ у насъ было немного сравнительно съ числомъ ихъ въ нынѣшихъ учебныхъ заведеніяхъ и ради этого многие предметы были общими на разныхъ факультетахъ до того, что естественники и математики на первыхъ двухъ курсахъ проходили всѣ предметы имѣстѣ, т. е. огонь въ нашемъ очагѣ не тухъ отъ избытка топлива, а могъ только разгораться подъ вліяніемъ не только профессоровъ и товарищай, не только удобствъ для притока всего того кислорода, нужнаго для научнаго горѣнія, который доставляли рядомъ со спальнями и жилыми помѣщеніями находящіяся лабораторіи и библіотеки, но и того общаго направленія или пыла, который установился въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда я самъ въ немъ былъ. Мы всѣ твердо знали, давши при вступленіи личныя обязательства, что будемъ педагогами, а потому по косточкамъ разбирали всю предстоящую намъ жизненную обстановку и своимъ умомъ, а потому и внутреннимъ соглашеніемъ, достигли до того, что у насъ напр. считалось въ некоторомъ смыслѣ

предосудительнымъ готовиться къ экзаменамъ, и хотя мы много работали въ обычное время, въ теченіе экзаменовъ вѣсною напролетъ дулись въ карты, а на тѣхъ, кто готовился къ экзаменамъ, смотрѣли до нѣкоторой степени свысока. Въ этой мелочи, на мой взглядъ, сказывается своеобразность міровоззрѣнія, сложившагося въ нашемъ закрытомъ учебномъ заведеніи. Припомню, что это было въ срединѣ XIX вѣка, во времена большого формализма, начавшаго распространяться въ царствованіе Николая I-го. Если я особенно настаиваю на необходимости и нынѣ вновь для образованія учителей возвратиться къ учрежденію прежнихъ, теперь почти изчезнувшихъ, закрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, то имѣя въ виду особую необходимость самостоятельнаго развитія у юношей-учителей другихъ, у нихъ теперь еще не господствующихъ, привычекъ, обычавъ и воззрѣній, чего подъ вліяніемъ ежеминутныхъ жизненныхъ столкновеній, которымъ подвергается студентъ, живущій виѣ товарищѣ, достичь невозможно безъ какой-то уродливой ломки, да и то подъ вліяніями посторонними, а не внутренними, не собственнаго сознанія, а навѣянныхъ мыслей. Молодежи до чрезвычайности нужно это взаимное общеніе для того, чтобы изъ нея выходилъ прокъ не только для самихъ ихъ, но и для общаго цѣлаго, для всей дальнѣйшей судьбы страны. Закрытые высшія учебныя заведенія прекращены у насъ всюду подъ вліяніемъ неправильно понятыхъ началъ жизненности высшаго образованія, именно въ эпоху, предшествующую такъ называемымъ университетскимъ беспорядкамъ, и я ни одной минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что это закрытіе „закрытыхъ“ высшихъ учебныхъ заведеній, служило одной изъ причинъ возникновенія такихъ беспорядковъ, въ особенности подъ вліяніемъ пресловутыхъ „аттестатовъ зрѣлости“, соединенныхъ съ поступленіемъ въ университеты бородатыхъ юношей. Тѣ силы или порывы, которые нашли бы вѣроятно выраженіе въ сложеніи самостоятельныхъ воззрѣній и направленій, выступили, конечно, подъ худыми вліяніями, носящими въ общежитіи, въ томъ, что слушатели высшихъ учебныхъ заведеній стали представлять себя уже „зрѣлыми“ членами общества и стали сходиться для сужденія не объ своихъ ближайшихъ потребностяхъ, не объ слагающемся міровоззрѣніи, а объ томъ обще-

ственномъ, ради которого они и вступили въ высшее учебное заведеніе, какъ ученики и слушатели. Не уклонюсь отъ того соображенія, считаемаго мною совершенно невѣрнымъ, которое носилось въ воздухѣ времени начала повторяемости такъ называемыхъ студенческихъ беспорядковъ, и очень часто высказывалось въ тѣ времена, что освободительная начало эпохи, наступившей послѣ севастопольской кампаниі, служили главнѣйшимъ внутреннимъ поводомъ къ началу беспорядковъ, такъ какъ во всемъ обществѣ произошло броженіе и стали выражаться порывы того разряда, который у насъ привыкли называть либерализмомъ. Утверждали, что либерализмъ, проникшій правительство, овладѣлъ образованнымъ обществомъ, а отъ него и университетскимъ юношествомъ, которое по молодости лѣтъ и по шалости, свойственной юности, спѣшило судить о томъ, что по своей сложности было ей не по силамъ. Совсѣмъ я самъ такъ не думаю, хотя и признаю вполнѣ передачу общественного настроенія юношеству и развитіе его въ немъ, но отъ этой возбужденности до беспорядковъ, разстояніе ничѣмъ логически не восполняется, потому что истинный либерализмъ прежде всего побуждаетъ следовать законнымъ путямъ, а не вызываетъ такихъ приемовъ, какіе скаживаются въ беспорядкахъ. Проживъ большое ихъ число въ близкой связи со студенчествомъ петербургскаго университета (потому что тогда я жилъ подъ химической лабораторіи, гдѣ работало много студентовъ, и я былъ съ ними въ постоянномъ общеніи), я имѣлъ не мало случаевъ убѣдиться въ томъ, что „чувства добрья“, господствовавшія въ то время въ студенчествѣ, побуждали ихъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ бываетъ всегда, къ взаимному общенію и соглашенію, но исходовъ для этой надобности было чрезвычайно мало. Главное-же, что считаю долгомъ сообщить здѣсь, состоить въ томъ, что я получилъ подлинныя убѣжденія въ возникновеніи беспорядковъ не подъ вліяніемъ этого стремленія къ общенію, а подъ вліяніями совершенно посторонними, даже, говорю съ увѣренностью, подъ вліяніями совершенно чуждыми Россіи и пришедшими изъ за границы, гдѣ въ то время еще больше, чѣмъ теперь, много было организованныхъ силъ, стремившихся, во-первыхъ, пріостановить явный прогрессъ, начавшийся въ нашей странѣ, и во-вторыхъ, желавшихъ сосредо-

точить все вниманіе Россіи на внутреннихъ безпорядкахъ, чтобы отвлечь ее этимъ путемъ отъ вмѣшательства во вітнія европейскія событія, среди которыхъ тогда больше всего имѣли значеніе политическія объединенія Италіи и особенно Германіи, усиленіе мірового могущества Англіи и возбужденіе соціалистическихъ и коммунистическихъ началъ во всей западной Европѣ. Всѣ дѣла этого рода тогда несомнѣнно имѣли организацію и представителій ся въ видѣ властныхъ лицъ, подобныхъ Бисмаркамъ и Кавурамъ, а такія организаторы должны были помнить и сознавать, что голосъ Россіи былъ однимъ изъ рѣшающихъ въ памятныя эпохи Священнаго Союза и 1848 года. Чтобы дѣйствовать свободнѣе, упѣреннѣе и надежнѣе, надо было, во что бы то ни стало устранить какое бы то ни было вмѣшательство Россіи; война съ нею могла стоить сотни миллионовъ, возбужденіе въ ней внутреннихъ безпорядковъ могло стоить очень дешево, да еще подъ знаменемъ либерализма, который самъ проявленъ Россіей. Вотъ, и рѣшили разумные и расчетливые люди, стремящіеся къ опредѣленнымъ цѣлямъ, вызывать въ Россіи всѣми способами внутренняя неурядицы, покушенія на Императора Освободителя и всякаго рода препятствія на пути явнаго русскаго прогресса. Утверждаю такъ въ особенности по многимъ наведеніямъ, бывшимъ для этого какъ у меня самого, такъ и у многихъ изъ профессоровъ Петербургскаго университета. Разскажу объ одномъ случаѣ, бывшемъ лично со мною. Между многими студентами старшихъ курсовъ, занимавшимися подъ моимъ руководствомъ въ химической лабораторіи Петербургскаго университета, былъ одинъ, котораго назвать фамилію еще нельзя, потому что онъ еще живъ и дѣйствуетъ; его я обозначаю буквою А. Это былъ образованнѣйший во многихъ отношеніяхъ человѣкъ, видный, краснорѣчивый и вліятельный въ студенческой средѣ, отчего его выбирали очень часто предсѣдателемъ дозволенныхъ и недозволенныхъ сходокъ, какъ мы всѣ тогда знали. Такъ называемыми либеральными началами или порывами онъ былъ проникнутъ вполнѣ, но былъ въ то же время истинно русскимъ человѣкомъ и, говоря по французски, лояльнымъ, противникомъ всякаго рода незаконныхъ, а тѣмъ паче предосудительныхъ мѣръ всякаго рода, т. е., какъ тогда говорили, былъ умѣреннымъ либераломъ. Онъ часто откровенно

излагалъ проникающія его мысли и, вообще, былъ, какъ говорится, экспансивенъ, такъ что отъ него зачастую можно было узнавать многое совершающееся въ студенческой средѣ. Онъ вѣль у меня въ лабораторіи одну специальную работу и мнѣ приходилось съ нимъ часто оставаться часами, причемъ входить въ бесѣду, нерѣдко обращавшуюся на предметъ всеобщей тогда заботы о благѣ университета. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ А. рассказалъ мнѣ о томъ, что въ студенческой средѣ стали зарождаться своего рода подозрѣнія относительно искренности участія нѣкоторыхъ дѣятелей сходокъ, на основаніи того, что они возбуждали не столько своими открытыми рѣчами на явныхъ сходкахъ, сколько закулиснымъ вліяніемъ на лицъ пылкихъ, но мало развитыхъ. Такие лица, говорилъ А., не только не выступали сами, а толкали другихъ, но и всегда прятались за нихъ, т. с. дѣйствовали такъ, какъ дѣйствуютъ подставные заинтересованные возбудители. Какъ А., такъ и его благоразумные товарищи подозрѣвали этихъ лицъ, какъ подосланныхъ полиціей, для возбужденія беспорядковъ и нѣкоторые втихомолку согласились прослѣдить и уличить ихъ. Въ этомъ намѣреніи они дошли до того, что, называясь ихъ именами, стали получать отъ университетского швейцара письма на ихъ имя, вскрывать ихъ и читать, а потомъ, закрывъ какъ слѣдуетъ, передавали ихъ по адресу, зная что слѣды вскрытия объяснялись получателями внимательствомъ тайной полиціи. Но она была на этотъ случай товарищеская, и А., какъ одинъ изъ вожаковъ, читалъ многія такія письма. Вотъ онъ то и передалъ мнѣ, что многія изъ этихъ писемъ были заграничного происхожденія, не отъ русскихъ эмигрантовъ, а отъ неизвѣстныхъ, никогда не подписывающихъ лицъ, несомнѣнно, выдававшихъ возбудителямъ не малыя денежныя пособія, именно для цѣли возбужденія. Убѣдившись въ этомъ, единомышленники А. дошли до полнаго реального доказательства полученія указанными лицами денежныхъ средствъ изъ за границы, но откуда онѣ получаются, при всѣхъ стараніяхъ, юные изслѣдователи не могли разобрать, и хотя изъ за этого стали отстраняться отъ руководительства, но конечно не выдали именъ, хотя какъ говорилъ А., одного такого втихомолку вѣдули на всѣ корки. Для меня рисуется здѣсь дѣло въ томъ видѣ, что недостатокъ или правильнѣе недозволенность от-

крытаго общенія, въ которомъ молодежь нуждается и кото-
рое естественно происходит въ закрытыхъ учебныхъ заве-
деніяхъ, повели къ возможности вліянія закрытыхъ общеній,
и къ распространению при помоши ихъ неладныхъ или
даже преступныхъ возбуждений. Не только я самъ, но и
многіе изъ моихъ сотоварищей профессоровъ, зная объ этомъ,
много разъ сообщали узнанное такому влиятельному лицу,
какимъ былъ графъ Д. А. Голстой, тогда министръ внутрен-
нихъ дѣлъ, но изъ этихъ сообщеній никакихъ не вытекало
надлежащихъ послѣствій, я думаю прежде всего потому,
что сомнѣвались въ самой нашей искренности. Это я говорю
теперь въ печати, потому что мнѣ думается найти для всего
этого причину въ какомъ-то слѣдѣ злорадства, вызывавша-
гося тогда, во времена освободительныхъ реформъ, въ кру-
гахъ, дѣйствительно желавшихъ только мѣръ ретроград-
наго свойства и только поворота назадъ, за что много за-
платили наши высшія учебныя заведенія и все наше про-
свѣщеніе. Сущность дѣла сводится къ тому, что студентамъ
высшихъ учебныхъ заведеній нельзя обходиться безъ взаим-
наго общенія, и тамъ, где никогда, сколько я знаю, студен-
ческихъ беспорядковъ болѣе или менѣе носящихъ полити-
ческій оттѣнокъ, не было, напр. въ Англіи, ІІвеціи, Голландіи
и Германіи, студенческаго общенія не избѣгаютъ, а напротивъ
того, всемѣрно поощряютъ. Въ Англіи это достигается при
помощи колледжей или общежитій, где студенты живутъ
совмѣстно и составляютъ вполнѣ свою отдѣльную семью со
своими отдѣльными преданіями, пріемами и даже соперни-
чествомъ съ другими колледжами. Въ Голландіи, ІІвеціи,
Германіи и т. подобныхъ странахъ, где студенческій бытъ
совершенно своеобразенъ, взаимное общеніе достигается при
помощи отдѣльныхъ корпорацій, болѣе или менѣе напоми-
нающихъ запрещаемыя у насъ землячество и направляющихся
иногда въ стороны до того чуждаго университетскимъ нача-
ламъ, что въ Гейдельбергѣ въ 1860 г., когда я тамъ былъ,
существовала корпорація, при вступлениі въ которую тре-
бовалось условіе, во все время пребыванія въ составѣ кор-
пораціи, не посѣщать университетскихъ лекцій. Свое удо-
влетвореніе даютъ студентамъ даже и такие уродливые кор-
пораціи, назначаемыя преимущественно для кутежей и спор-
товъ всякаго рода. У насъ господствуетъ предубѣженіе

противъ корпоративнаго начала въ студенчествѣ, преимущественно въ виду таихъ исключительныхъ уродствъ, забывая при этомъ, что большинство корпораций назначается для взаимной помощи студентовъ, для удовлетворенія ихъ потребности въ общениі, и, что всего важиѣе, для сложенія самостоятельныхъ началъ, которая затѣмъ проводится въ жизни. На основаніи соображеній, здѣсь болѣе или менѣе выступившихъ въ намекахъ, я не только склоняюсь въ пользу открытыхъ студенческихъ корпораций, но и въ пользу закрытыхъ учебныхъ заведеній, гдѣ взаимное общеніе студентовъ наиболѣе можетъ быть развито, и полагаю, что господствующія нынѣ въ правительствѣ и литературѣ предубѣжденія противъ корпоративнаго начала и закрытыхъ учебныхъ заведеній чрезвычайно вредятъ успѣхамъ нашего высшаго образования. Теперь, когда мнѣ уже минуло 70 лѣтъ, я только съ великою благодарностью вспоминаю то вліяніе, которое произвело на меня пятилѣтнее пребываніе въ закрытомъ учебномъ заведеніи съ товарищами, оставшимися на всю жизнь друзьями и я думаю единомышленниками.

Итакъ, я съ своей стороны желаю, чтобы необходимое для Россіи высшее учебное заведеніе, приготовляющее учителей гимназій, а среди нихъ и будущихъ профессоровъ, было закрытымъ, т. е. давало бы своимъ воспитанникамъ не только лекціи, библиотеки, лабораторіи и т. под., но и помѣщеніе для жизни, столъ, одежду и все прочее, потому что только при этомъ условіи возможно, по моему мнѣнію, достичь того, чтобы у насть родились свои Платоны и Невтоны, о которыхъ такъ мечталъ Ломоносовъ. Конечно, это условіе не первостепенное, не самое важное, какимъ я считаю подборъ профессоровъ такого высшаго института наставниковъ, но помимо него, въ особенности при условіяхъ современной шаткости понятій, для меня немыслимо получение того большого количества преданныхъ дѣлу наставниковъ, которое необходимо Россіи, если она вступить въ эпоху дѣйствительного убѣжденія о необходимости широкаго высшаго образования, такъ какъ его при незначительномъ количествѣ и случайномъ качествѣ преподавателей достичь, мнѣ кажется, мало вѣроятнымъ.

Наивысшую трудность при учрежденіи Высшаго института наставниковъ составить, конечно, образованіе совокупности

надлежащихъ профессоровъ. Въ бывшемъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ профессора избирались изъ самаго цвѣта лучшихъ тогдѣ русскихъ ученыхъ, больше всего изъ академиковъ, пріобрѣвшихъ знаменитость помимо педагогическихъ трудовъ; теперь этого сдѣлать нельзя уже по той причинѣ, что въ Академію Наукъ избираютъ по большей части на старости лѣтъ тѣхъ, кто усталъ уже отъ педагогическихъ заботъ. Конечно, въ Россіи найдется не мало достойныхъ ученыхъ, которые, быть можетъ, и согласятся посвятить себя дѣлу подготовки наставниковъ, но это все же очень рисковано, особенно въ томъ случаѣ, если новый большой Педагогический Институтъ будетъ учрежденъ въ какомъ-либо уединенномъ положеніи, не въ Петербургской суголовкѣ, не среди Петербургскихъ усложненныхъ отношеній, начинающихся съ дороговизны жизни и съ необходимости участія въ ея текущихъ передрягахъ, такъ какъ достойныхъ ученыхъ тутъ втянуть, волею или неволею, во вся тяжкая до того настойчиво, что имъ останется мало времени отдаться въ одно и то же время наукѣ и ея передачѣ будущимъ наставникамъ. А такъ какъ это именно и необходимо, по моему мнѣнію, для того, чтобы Высшій институтъ наставниковъ далъ истинно хорошіе плоды, то я болѣе всего склоняюсь къ той мысли, что мѣстомъ для Главнаго училища наставниковъ долженъ быть какой-нибудь небольшой городокъ или мѣстечко вдали отъ такихъ центровъ какъ Петербургъ и Москва. Оксфордъ, Кембриджъ, Гейдельбергъ и т. под. маленькие города, почти цѣликомъ зависящіе отъ университетовъ, въ нихъ находящихся, дали, какъ известно, наибольшій разсадникъ для развитія самостоятельности въ наукахъ для многихъ странъ; а у насъ, думается мнѣ, особенно въ нашу эпоху, выборъ подобнаго мѣста былъ бы полезенъ во всѣхъ отношеніяхъ. При этомъ я вовсе не имѣю въ виду экономическихъ соображеній казеннаго свойства, хотя устройство въ какой-то глухи обширнаго учрежденія, безъ сомнѣнія, можетъ быть болѣе экономнымъ, чѣмъ въ столицахъ или вблизи нихъ. Экономія можетъ получиться, однако, все же небольшая, въ содержаніи студентовъ, но въ содержаніи профессоровъ, ассистентовъ и т. под. наставниковъ ея достигать было бы неправильно, такъ какъ этимъ служащимъ придется ограничиться въ маленькомъ

мѣстечкѣ только однимъ мѣстомъ служенія, за недостаткомъ возможности получать средства съ разныхъ сторонъ. Уединенное положеніе высшаго училища наставниковъ, конечно при совокупности другихъ условій, можетъ обеспечить результатъ какъ со стороны студентовъ, такъ и со стороны профессоровъ, если въ дѣло будутъ вложены правильныя начала. На основаніи того, что высказано выше, я прихожу къ тому заключенію, что созданіе столь необходимаго для Россіи Главнаго училища наставниковъ можетъ совершиться слѣдующимъ медленнымъ путемъ въ теченіе многихъ лѣтъ, именно 4 или 5 до открытия первого курса. Начать надобно, конечно, съ выбора нѣсколькихъ лицъ, совокупности которыхъ должно довѣрить не только возведеніе зданій и обзаведеніе пособіями, необходимыми для создаваемаго учрежденія, но и подготовку или приготовленіе профессоровъ. Эта послѣдняя* цѣль — самая важная, и чтобы она выполнилась вполнѣ удовлетворительно, необходимо, чтобы въ Учредительному Комитетѣ были только первостепенные самостоятельные русскіе ученые по разнымъ отраслямъ знаній. Имъ должно довѣрить выборъ кандидатовъ на предстоящія профессуры. При этомъ, по моему разумѣнію, лучше всего имѣть избытокъ кандидатовъ, такъ какъ ожиданіямъ и надеждамъ не всегда отвѣтять выбранные кандидаты, хотя бы ихъ избирали и весьма компетентные судьи. Избытокъ, при этомъ возможный, никогда не будетъ излишнимъ въ Россіи, потому что число лицъ, получившихъ уже высшее образованіе и начавшихъ уже заявлять свои научные способности, было и, надо думать, останется всегда значительно, потому что жажда свѣта всетаки существуетъ уже въ самомъ народѣ даже въ крестьянствѣ. Лицъ, оказавшихся недостойными довѣрія и выбора, надо предоставить устраниТЬ Учредительному Комитету безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. А если и затѣмъ получится избытокъ готовыхъ кандидатовъ, они найдутъ себѣ мѣсто или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или на другихъ поприцахъ. Какими способами достичь того, чтобы изъ начинающихъ ученыхъ могли выработаться действительныя новыя научныя русскія силы, необходимо, по моему разумѣнію, вполнѣ предоставить усмотрѣнію названного Учредительнаго Комитета, долженствующаго образовать ядро профессорскаго Совѣта, подготавляе-

маго Педагогического Института. Однимъ надобно дать лишь средства и предоставить всякия возможности самостоятельно продолжать начатыя научныя работы, другихъ придется, быть можетъ, отиравить за границу для изученія избранной специальности въ ея современномъ состояніи, третьимъ придется дать возможность въ путешествіяхъ и личномъ знакомствѣ съ памятниками древности восполнить пробѣлы, существующіе въ предварительной подготовкѣ, четвертыхъ придется, можетъ быть, назначать ассистентами, лаборантами и т. под. помощниками уже существующихъ профессоровъ и т. д. Притомъ, для однихъ нужна будетъ, быть можетъ, двухлѣтняя подготовка, а для другихъ придется ее продолжить на нѣсколько лѣтъ—все это, начиная съ способа выбора самыхъ кандидатовъ, должно предоставить, по моему мнѣнію, Учредительному Комитету, отъ состава котораго много будетъ зависѣть вся дальнѣйшая судьба новаго учрежденія. Средствъ для всѣхъ указанныхъ цѣлей потребуется не мало, но все же ихъ размѣры будутъ ничтожными не только сравнительно съ тѣми, какіе требуются, напр., для проведения новой желѣзной дороги или для проведения новаго канала, или порта; при недостаткѣ же средствъ, а болѣе всего при руководствѣ дѣломъ изъ канцеляріи, надлежащаго успѣха ожидать нельзя.

Предварительные основанія всего Устава и устройство Вышаго училища наставниковъ, конечно, должны быть обдуманы и заготовлены гораздо раньше приступа къ самому учрежденію Института. Но подробности устава должны вырабатываться лишь постепенно, больше всего при содѣйствії упомянутаго выше Учредительнаго Комитета, а ему должно вмѣнить въ первѣйшую обязанность заботу о подготовкѣ и выборѣ профессоровъ или будущихъ сотоварищѣй этихъ учредителей. Однако, уже предварительно должно ясно выразить ту основную мысль, что Главное Училище наставниковъ должно готовить прежде и болѣе всего учителей гимназій, а изъ лучшихъ воспитанниковъ — будущихъ ученыхъ и профессоровъ, что подготовка не должна ограничиваться одними, такъ сказать, теоретическими предметами, но и распроняться на прикладные, такъ какъ и въ специальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и особенно въ высшихъ, прикладные предметы требуютъ много хорошо подготовленныхъ лицъ — для ихъ преподаванія.

Чтобы обнять все содержаніе преподаванія въ Высшемъ училищѣ наставниковъ, мнѣ кажется проще всего изойти изъ той формулы, чѣо человѣкъ, природа и практическое отношеніе человѣка къ природѣ — охватываютъ всѣ главныя области наукъ и образованности. Для учителей еще болѣе, чѣмъ для всѣхъ прочихъ обучающихся, нужно постоянно помнить возможность потуханія огня при заваливаніи очага топливомъ, и потому число предметовъ, а слѣдовательно и каѳедръ, должно быть ограничено, а таکія сравнительно узкія специальности, какъ медицинскія, юридическія, богословскія, военная, желѣзнодорожная и т. под., должны быть совершенно исключены изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ Главномъ Училищѣ Наставниковъ, предоставляя пр. высшимъ специальнымъ учебнымъ заведеніямъ подготовку и выборъ преподавателей, имъ необходимыхъ. Вслѣдствіе указанного соображенія и принаравливаясь къ обычной терминологіи, въ Главномъ Училищѣ Наставниковъ, по моему крайнему разумѣнію, должно быть три факультета: историко-филологический, физико-математический и камеральный или технический, съ разными ихъ подраздѣленіями на послѣднихъ курсахъ (1—2 года). На первомъ изъ нихъ главнѣйшими предметами должны быть философія, литература и исторія; на второмъ — математика, физика, химія и біологія. Что же касается до камерального или техническаго факультета, то сго, по моему мнѣнію, можно образовать только на послѣднихъ двухъ курсахъ изъ лицъ, получившихъ предварительную подготовку на двухъ другихъ упомянутыхъ факультетахъ, положивъ основнымъ предметомъ политическую экономію, выработка преподавателей которой должна составить одну изъ основныхъ задачъ предполагаемаго института, если онъ назначается для оживленія всего русскаго просвѣщенія и для созванія въ Россіи массы самостоятельныхъ ученыхъ, какихъ и можно ожидать при посредствѣ правильнаго теченія дѣль въ предлагаемомъ Институтѣ. Эту задачу, по моему крайнему разумѣнію, выполнить въ будущемъ не трудно, имѣя въ виду не только примѣръ Главнаго Педагогическаго Института, но и начальная эпохи, а въ особенности 60 и 70-ые годы въ такихъ нашихъ университетахъ, какъ Петербургскій, Московскій, Казанскій и Дерптскій, доставлявшихъ въ свое время много научныхъ силъ. Дайте только широко развиться

вкусу къ наукѣ, предвкушеніе ея или стремленіе къ ней уже сказалось давно и уже слышится въ неясныхъ мечтахъ и порывахъ всей прошлой нашей литературы и жизни.

У насъ въ литературѣ и въ специальныхъ кругахъ, въ особенности въ комитетахъ, обсуждавшихъ устройство новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, напр., политехникумовъ, много обсуждался вопросъ о нормальной продолжительности курсовъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, и уже ясно сознано то основное положеніе, что высшая степень специального образования достигается никакъ не при посредствѣ окончанія въ высшемъ учебномъ заведеніи, а лишь при посредствѣ самостоятельной разработки предмета въ условіяхъ жизненной обстановки, что сказалось въ народной поговоркѣ „вѣкъ живи, вѣкъ учись”. Исходя изъ того, что средняя учебная заведенія должно проходить въ нормѣ до 16—17 лѣтъ, я склоняюсь къ тому, что для нормальной учебной подготовки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вполнѣ достаточенъ четырехлѣтній срокъ въ большинствѣ заведеній, выпускающихъ студентовъ въ жизненную обстановку, т. е. для приготовленія къ жизненнымъ специальностямъ, которыя, какъ бы ни были специализированы высшая учебная заведенія, всегда ихъ превосходятъ своею дробностію и своими усложненіями. Въ нормѣ никто и никогда не считаетъ лицо кончившее курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, способнымъ сразу становиться въ руководящее положеніе, будеть ли то должность административная или юридическая, промышленная или какая иная. Такъ, кончившаго нормальный курсъ не назначать столоначальникомъ въ какомъ-либо министерствѣ, а сперва дадутъ ему возможность узнать теченіе дѣль ближе, занимая должность помощника столоначальника, или какого-либо причисленного къ министерству, второстепенаго исполнителя. Такъ, на фабрикѣ или заводѣ не назначать вновь испеченаго техника руководителемъ мастерской, а дадутъ ему возможность осмотрѣться въ качествѣ помощника, или въ какой либо второстепенной должностіи. Таково-же положеніе дѣль и во многихъ другихъ специальностяхъ. Но есть два рода дѣятельности, въ которыхъ надо прямо браться за дѣло, за живую практику, безъ возможности обучаться во второстепенныхъ положеніяхъ, я говорю именно объ медицинѣ и учителствѣ, такъ какъ всту-

нающему прямо вѣряется часть жизни въ ся полнотѣ. Поэтому я думаю, что для подготовленія медиковъ и учителей необходимъ болѣе продолжительный срокъ, часть котораго посвящается практическому ознакомленію подъ руководствомъ профессоровъ въ клиникахъ-ли, или въ нормальныхъ или образцовыхъ училищахъ, состоящихъ при медицинскихъ и учительскихъ институтахъ. Какъ распределить время пятилѣтнаго курса въ такихъ заведеніяхъ между дѣломъ лекцій и практическаго упражненія въ умѣніи, это уже должно относиться къ компетенціи Руководительного совѣта высшаго учебнаго заведенія. Сущность того, что я хочу сказать, здѣсь сводится къ тому, что въ Высшемъ училищѣ наставниковъ нормальный курсъ долженъ быть пятилѣтнимъ и втеченіе его учащіеся должны получить практическіе уроки по преподаванію соотвѣтственныхъ предметовъ, на что по моему мнѣнію требуется прибавка примѣрно полугодового срока, такъ какъ подготовка къ первымъ урокамъ изъ гимназическихъ предметовъ должна занять у студентовъ не мало времени. Слушатели историко-филологического факультета должны получать упражненія по русскому языку, литературѣ и исторіи, слушатели физико-математическаго по математикѣ, физикѣ и естествознанію и камерального фак. по географіи, законовѣдѣнію, рисованію, черченію и быть можетъ др. предметамъ. Прибавляя къ четырехъ-лѣтнему курсу полгода на реальное приспособленіе къ преподаванію, я считаю необходимымъ въ Главномъ училищѣ наставниковъ прибавить еще полгода, не только въ виду необходимости для всѣхъ учителей курса педагогіи, но и для того, чтобы имѣть возможность наилучшаго выбора изъ поступающихъ тѣхъ, которые склонны и способны къ тяжелому дѣлу педагогическаго труда. Для этой постыдней шѣли мнѣ кажется въ желаемомъ институтѣ необходимымъ по истеченіи первого, подготовительнаго периода, особыхъ испытаній, такъ сказать, для сортировки поступившихъ и для удаленія тѣхъ изъ нихъ, которые мало пригодны къ выполненію задачъ, возлагаемыхъ на учителей среднихъ учебныхъ заведеній, и я полагаю, что отъ лицъ, выдержавшихъ это первое испытаніе, т. е. при поступлениі на второй курсъ, должно требовать, какъ было то въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ отдельной личной расписки въ готовности

служить по назначению не менѣе 8 лѣтъ за все то, что доставить Высшій педагогической институтъ своимъ слушателямъ въ остальные четыре года. Судя по личному примѣру, я убѣжденъ, что такая расписка будетъ много содѣйствовать тому, чтобы слушатели явились достойными носителями просвѣщенія и образцами учителей.

Такъ какъ лицамъ, кончившимъ курсъ послѣ указанного выше обязательства, будетъ несомнѣнна предстоящая скромная, но важная карьера и такъ какъ большинство лицъ, проходящихъ обычныя высшія учебныя заведенія, именно, страдаютъ тѣмъ, что не имѣютъ впередъ обезпеченої карьеры, то, во первыхъ, я полагаю, что желающихъ будетъ множество, а потому при самомъ приемѣ могутъ быть примѣнены различные способы подходящаго выбора, между которыми важнѣйшимъ я считаю особую для того аттестацію средняго учебнаго заведенія, въ которомъ желающій поступить кончилъ курсъ, и во вторыхъ у проходящихъ высшіе курсы Главнаго училища наставниковъ будетъ на этихъ курсахъ больше, чѣмъ въ современной нормѣ, свободы, стремленія и желанія отдаваться изученію проходимыхъ наукъ, что и требуется, по моему мнѣнію, болѣе всего. Отсюда можно надѣяться на то, что въ желаемомъ Институтѣ будетъ вырабатываться много будущихъ русскихъ ученыхъ и между ними профессоровъ, Россіи теперь и въ будущемъ столь необходимыхъ. Выдающихся изъ кончающихъ, судя по отзыву профессоровъ руководителей и, главнымъ образомъ, судя по дѣйствительно выполненнымъ первымъ научнымъ работамъ, конечно должно оставлять при побочныхъ учрежденіяхъ института для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, т. е. преимущественно для выполненія самостоятельныхъ работъ. Вотъ для этой-то цѣли всякаго рода пособія, необходимыя для снисканія умѣнія и для научныхъ работъ, т. е. библіотеки, лабораторіи, обсерваторіи, мастерскія и т. п. при Главномъ училищѣ наставниковъ должны быть развиты въ широчайшихъ размѣрахъ, отнюдь не меньшихъ, а даже большихъ, чѣмъ въ иныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Едва-ли я ошибусь, если скажу, что Петръ Великій, учреждая Академію Наукъ, имѣть иную, чѣмъ указанная цѣль, такъ какъ онъ конечно желалъ не менѣе Ломоносова, снабдить свою страну Невтонами и Платонами не менѣе, чѣмъ организованнымъ

войскомъ и флотомъ, промышленностью, торговлею и путями сообщенія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что средства, нужные для устройства и содержанія предлагаемаго Главнаго училища наставниковъ, должны быть значительными и зависѣть преимущественно отъ числа приготовляемыхъ учителей, въ особенности при томъ условіи, что все студенты будутъ содержаться на казенный счетъ и будутъ пользоваться всѣми необходимыми пособіями, которыя надобно создать въ мѣстности, такъ сказать, свѣжей или новой. Это послѣднее условіе, какъ уже упомянуто выше, должно уменьшить основной расходъ на покупку мѣста, необходимаго для заведенія и всякихъ при немъ устройствъ; но въ замѣнѣ того расходы при устройствѣ увеличатся вслѣдствіе необходимости приспособить избранное мѣсто для удобствъ всего дальнѣйшаго быта не только воспитанниковъ, но и профессоровъ и лицъ около нихъ неизбѣжныхъ. Если среднимъ числомъ устройство трехъ Политехникумовъ стоило за послѣдніе годы около 5 миллионовъ рублей на каждый, то нельзя никоимъ образомъ думать, что устройство предлагаемаго учебнаго заведенія будетъ стоить менѣе того, потому что при Главномъ Училищѣ наставниковъ необходимо устроить на казенное же иждивеніе и содержаніе образцовую мужскую гимназію и такое-же подготовительное къ ней училище, преимущественно для дѣтей служащихъ, а, быть можетъ, и женскую гимназію, такъ какъ эти учебныя заведенія, во первыхъ, позволять семайнымъ людямъ жить въ томъ сравнительному уединеніи, которое, по моему мнѣнію, необходимо для правильнаго и самостоятельнаго развитія предлагаемаго учрежденія, а во вторыхъ, для практическаго упражненія въ урокахъ воспитанникамъ послѣднихъ курсовъ. Если земля, необходимая для обзаводства новаго высшаго учебнаго заведенія, снабженна разными побочными пособіями, и достаточная для устройства домовъ всѣхъ служащихъ, равно какъ и для устройства садовъ, и быть можетъ образцовой фермы, будетъ дана изъ казенныхъ земель, т. е. бесплатно, то я полагаю, на основаніи предварительно сделанныхъ подсчетовъ, что отлагая примѣрно 500 тысячъ рублей на внѣшнее устройство земли (дороги, ограды, канавы, мостовые, водопроводы и т. п.) можно ду-

матъ, что въ общей суммѣ начальное устройство, при 600 слушателяхъ и при 400 воспитанникахъ образцовой гимназіи и другихъ училищъ, будетъ достаточно на все шесть миллионовъ рублей, считая въ томъ числѣ и устройство жилищъ для профессоровъ и ассистентовъ, конечно, при условіи расчетливаго и умѣлаго веденія всѣхъ дѣлъ, потому что при этомъ кубическая сажень (по наружнымъ измѣрѣніямъ) жилыхъ помѣщеній должна обойтись въ среднемъ не болѣе 80 рублей. Откладывая полтора миллиона на оборудование лабораторій, обсерваторій, библиотеки и тому подобныхъ пособій, останется на стройку около 4 миллионовъ, а на нихъ можно выстроить не менѣе 50,000 кубическихъ саженъ строеній. Изъ этого числа должно отдѣлить около двухъ ст. половиной тысячи куб. саж. для помѣщенія студентовъ, около того же на аудиторіи, около $3\frac{1}{2}$ на лабораторіи и другія пособія, около $2\frac{1}{2}$ на церковь, залы и т. п. общія помѣщенія, всего около 10—12 тысячъ куб. саженъ на самое основное заведеніе. На жилища профессоровъ, ассистентовъ и всякаго рода служащихъ надо немного болѣе того, т. е. около 15 тысячъ куб. саж., а на гимназію и училища, состоящія при Институтѣ, и на всякія службы останется еще 25 или около того тысячи куб. саж. Послѣдняя величина быть можетъ велика, но надобно принять во вниманіе, во-первыхъ, необходимые запасы помѣщеній, а во-вторыхъ то, что при устройствѣ всего заведенія въ совершенно новомъ уединенномъ мѣстѣ необходимо будетъ устроить сады и помѣщенія для разныхъ косвенныхъ потребностей. Что касается до указанныхъ выше полтора миллиона на оборудование пособій, то я имѣю при этомъ въ виду снабженіе библиотеки шкапами и книгами и набженіе приборами и всякаго рода приспособленіями физической, технической, химической, физиологической и механической лабораторій и астрономической обсерваторіи, полагая на оборудование каждого изъ перечисленныхъ учрежденій огнь 300 тысячъ (напр. на библиотеку до 100 тысячъ, на физиологическую лабораторію или на астрономическую обсерваторію¹). Постройку можно вести не очень спѣшно, потому что начальное время должно на-

¹) На устройство образцового сельско-хозяйственного заведенія, сверхъ того, весьма полезно отпустить до 500 т. р. и присоединить къ Институту лѣсничество.

значить на подготовку профессоровъ, которыми опредѣлится вся дальнѣйшая судьба учрежденія.

Что касается до годового содержанія предполагаемаго высшаго учебнаго заведенія со всѣми при немъ пособіями, то я полагаю, что для этого достаточно будетъ 700 тысячъ рублей въ годъ, распредѣляя ихъ примѣрно слѣдующимъ образомъ:

1) На тридцать — сорокъ пять главныхъ профессоровъ, а въ ихъ числѣ и на директора всего учрежденія, а также надзирателей и т. п. около 200 тысячъ въ годъ.

2) На пятьдесятъ—шестьдесятъ ассистентовъ и лицъ, оставляемыхъ при учрежденіи для усовершенствованія въ наукахъ, т. е. для приготовленія къ профессурѣ, около 100 т. руб. въ годъ, считая, какъ и въ предшествующей суммѣ, и расходы на ихъ поѣздки и командировки.

3) На 600 воспитанниковъ или студентовъ со всѣмъ ихъ содержаниемъ около 200 тыс. руб.

4) На гимназіи и училища, состоящія при Главномъ училищѣ наставниковъ (отчасти съ казенными воспитанниками), примѣрно на 400 учащихся, около 100 тыс. руб.

5) На хозяйственныя расходы по ремонту зданій, по управлению, на дороги и т. под. около 100 тыс. руб., что и дастъ въ суммѣ около 700 тысячъ рублей въ годъ.

Капитализируя, примѣрно изъ четырехъ съ небольшимъ процентовъ, указанный годовой расходъ отвѣчаетъ 17 миллионамъ рублей, а прибавляя сюда около 6 миллионовъ первоначальныхъ затратъ, получимъ весь расходъ отъ 20 до 25 миллионовъ рублей. А такъ какъ каждая верста новой желѣзной дороги, со всѣми расходами на обзаводство подвижнымъ составомъ, обходится около 50 тысячъ рублей, то устройство и все содержаніе (это послѣднее не должно упустить изъ вида) высшаго учебнаго учрежденія, существующаго, а во всякомъ случаѣ могущаго, направить въ должную сторону все наше образованіе, будетъ стоить странѣ не болѣе, чѣмъ устройство 400—500 верстъ нового желѣзнодорожного пути. Россія же строила, какъ известно, за послѣднее время ежегодно отъ 2000—3000 верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Отсюда, принимая во вниманіе, что всѣ годовые расходы уже капитализированы, видно, что предлагаемыя учрежденія не могутъ составить чего либо невозможнаго для нашей страны,

и если есть въ ней много поводовъ еще больше и больше увеличивать и организовать пути сообщенія, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что расходъ на увеличеніе просвѣтительныхъ путей Россіи, даже въ настоящее время, ей по плечу, и она легко найдетъ кредитъ, для того нужный, а въ помощь, быть можетъ, найдутся и средства частныя, какъ находятся они—миллионами—для устройства новыхъ броненосцевъ, подводныхъ лодокъ и т. д.

Въ переживаемое нами время, предтечами котораго надо считать Мальтуса и Бокля, когда явно господствуетъ материально-историческое начало, утверждающее въ сущности, что все и все обстояло бы преблагополучнымъ, если бы не было материальныхъ недостатковъ, не жалѣть нигдѣ, даже у насть, народныхъ средствъ для возможной помощи материальному труду, преимущественно въ области промышленности. Это уже великий успѣхъ и я чрезвычайно далекъ отъ тѣхъ, кто это осуждаетъ и винитъ о злѣ промышленности. Но такъ какъ одно понятіе о чистой матеріи и всемъ материальномъ, казавшееся классикамъ до того всесообщемлющимъ, что Демокритъ и духъ-то представлялъ въ видѣ особыхъ, тонкихъ атомовъ, явно недостаточно и сверхъ него необходимо принять не только энергию, которую кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, можно еще считать чѣмъ то материально-механическимъ, но и духъ, въ человѣкѣ, его общеніи, наукѣ, морали и всей дѣятельности, наиболѣе рѣзко проявляющейся, то и очевидно, что одинъ историческій материализмъ не исчерпываетъ понятія о благѣ человѣческомъ, какъ видно даже изъ того, что довольноихъ и счастливыхъ людей всякий зрячій скрѣе увидитъ въ средѣ недостаточной, чѣмъ между богачами. Духовной сторонѣ блага надобны—истина, добро и красота. Исканіе ихъ выразилось первѣе всего въ религіяхъ, сложившихся—надо этого не забывать—въ пору, далеко предшествовавшую современной сложности міровыхъ отношеній, а затѣмъ въ наукѣ и искусствахъ. Послѣднія, по мнѣ, стремятся путемъ образовъ и предчувствій, такъ сказать полу-бесознательно, совершенно къ тому же, что сознательно вырабатывается въ наукѣ. Поэтому свой высокій противовѣсь всему матеріальному или, лучше, свое къ нему высшее дополненіе должно искать прежде всего въ наукѣ. И если естественно, при умноженіи людей и ихъ потребностей, не жалѣть общихъ

жертвъ на успѣхи материальныхъ войнъ и промышленностей, то для „блага общаго“ столь же естественно не жалѣть никакихъ общихъ средствъ на развитіе науки и просвѣщенія, что заложено издавна въ Русскомъ Царствѣ. На одномъ материальномъ далеко не уйдешь въ дѣлѣ „общаго блага“, уже потому, что материальное конечно, и всего не объемлетъ, чего не сознали лишь крайніе, да народы, подобные, по всей видимости, современнымъ японцамъ. Эти самыя мысли и лежать въ основѣ всего моего представлія о необходимомъ для Россіи новомъ Главномъ Училищѣ Наставниковъ.

Въ десятый разъ повторю затѣмъ, что весь успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ профессоровъ, и не обинуясь скажу, что больше всего и первѣе всего надо позаботиться о томъ, чтобы подготовить такихъ лицъ. Для этой послѣдней цѣли, какъ упомянуто уже выше, по моему мнѣнію, совершенно не достаточны тѣ средства, которыя примѣняются въ настоящее время, и я полагаю, что было бы лучше всего эту задачу возложить на особый небольшой Учредительный комитетъ, долженствующій составить профессорское ядро будущаго Главнаго училища наставниковъ, довѣрившись ему полностью и предоставивъ ему право избирать средства для подготовки будущихъ профессоровъ, своихъ сотоварищѣй, отнюдь не придерживаясь всевластнаго у насъ формализма, потому что съ нимъ еще можно кое-какъ пробиваться по проторенной дорогѣ, но новыхъ путей устраивать, по моему крайнему разумѣнію, совершенно невозможно. Людей вполнѣ благонадежныхъ, не только любящихъ свою страну вообще, но и особенно преданныхъ успѣхному въ ней развитію науки и просвѣщенія, по моему мнѣнію, еще можно найти въ томъ небольшомъ количествѣ, которое нужно для Главнаго училища наставниковъ, даже прямо въ средѣ бывшихъ и известныхъ у насъ профессоровъ.

По отношенію къ мѣсту, пригодному для обсуждаемаго высшаго учебнаго заведенія и такъ удаленному отъ столицъ, чтобы въ немъ могли слагаться самостоятельный русскія силы, скажу только то, что, по моему мнѣнію, его надобно искать вблизи географическаго центра Россіи, т. е. мнѣ кажется, гдѣ-то на правомъ берегу Волги, въ томъ мѣстѣ гдѣ она внизъ отъ Казани становится уже могучею рѣкой, на которой всегда суждено быть промышленно-торговому рус-

скому движению впередъ. Съ своей стороны я считалъ бы наиболѣе удобнымъ избрать мѣсто на возвышенномъ берегу Волги, гдѣ-либо вблизи небольшого городка, и это мѣсто, по моему мнѣнію, черезъ какое-либо столѣтіе должно сдѣлаться образцовымъ городкомъ, дорогимъ всякому русскому, если изъ него выйдутъ хоть немногіе, новые русскіе передовые учёные и наставники¹⁾.

Просвѣщеніе страны, то-есть нахожденіе въ ней не только сознательной и грамотной массы, но и значительного количества лицъ, получившихъ высшее, специализированное образование и могущихъ сами итти и другихъ вести впередъ, конечно, одно — само по себѣ, безъ развитія (т. е. при застое) промышленного и общаго административнаго строя, не можетъ ничего существенного доставить для общаго блага, но первое непремѣнно вызоветъ потребность въ послѣднемъ, потому что — помимо уродливыхъ изъятій — истинное просвѣщеніе всегда возбуждаетъ, во-первыхъ, любовь къ труду,

¹⁾ Географическій центръ страны найти легко, когда имѣются, какъ имѣются уже у насъ, географическія карты и данные всеобщей переписи, если взять за единицу (хотя бы даже не столь мелкія площади, какъ волости, а только уѣзды, поня, что чѣмъ менѣе будетъ выбрана площадь, тѣмъ результатъ будетъ точнѣе, но и выбравши уѣзды за единицу, получимъ точность для такой страны какъ Россія, но крайней мѣрѣ до десятковъ верстъ) даже уѣздные города. Каждому городу отыскать опредѣленное географическое мѣсто, опредѣленная площадь уѣзда и опредѣленное число его жителей, а изъ этихъ данныхъ по тѣмъ же самымъ правиламъ, по какимъ находится центръ тижесть въ системѣ связанныхъ тѣль, найдется географическій центръ всей имперіи. Въ американскихъ пензусахъ или переписяхъ, повторяющихся, какъ известно, каждые 10 лѣтъ, всегда расчитывается положеніе географического центра страны и онъ за послѣднее столѣтіе послѣдовательно движется съ востока на западъ, удаляясь почти по параллели (а именно по параллели около $39^{\circ}10'$, сѣв. широты мѣста) отъ Атлантическаго океана къ Тихому океану (въ 1790 г. западная долгота $78^{\circ}11'$, въ 1800 г. — $76^{\circ}56'$, въ 1850 — $81^{\circ}19'$, въ 1880 — $84^{\circ}40'$, въ 1890 — $85^{\circ}33'$, въ 1900 — $85^{\circ}49'$, т. е. въ 6 миляхъ отъ Колумбуса въ Индіанѣ). Такое же движение — въ направлениі къ Тихому океану (т. е. къ мировой аренѣ будущаго) — существуетъ и для Российской Имперіи, а гдѣ ея современный, географический центръ, вѣроятно, будетъ разсчитано, когда закончится публикація отчетовъ нашей первой всесообщей переписи 1897 г. Если этого не сдѣлаетъ редакціонная комиссія и если я не успѣю самъ этого сдѣлать, то, вѣроятно, найдутся другіе для того люди. Это знать намъ все же необходимо.

во-вторыхъ, умноженіе всякихъ потребностей и въ третьихъ, склонность ко всякаго рода улучшеніямъ быта, какъ своего, такъ и всего окружающаго. Послѣднее тѣмъѣ пѣроятнѣе и даже тѣмъѣ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе въ высшемъ просвѣщеніи будетъ вложено философски-соціальныхъ началь и чѣмъ мснѣе оно будетъ походить на тотъ видъ виѣшне-подражательного и чисто-матеріального (если можно такъ выразиться) просвѣщенія, какимъ такъ щеголяютъ въ текущее время японцы, которымъ, быть можетъ, суждено воочию показать всему миру недостатки одной материально-виѣшней стороны латинско-саксонскаго просвѣщенія, оставляющей безъ вниманія требованія сердца и высшей справедливости, неподдающіеся — за недостаткомъ или слабостю научной разработки — точному анализу и кодификації. Вотъ яъ этихъ-то сторонахъ и надобень синтезъ, и онъ-то въ благодушномъ русскомъ народѣ никогда не засыпали, несмотря на все стремленіе къ виѣшнему лоску просвѣщенія. Я не въ силахъ, просто не умѣю, выражать эти потребности болѣе определеннымъ языкомъ, но сознаю, что тутъ надобна и настояща новая сознательно-научная работа человѣчества и полагаю, что молодое русское сознаніе, воспитанное въ Высшемъ Училищѣ Наставниковъ, послѣдовательно найдетъ для того не ретроградные, а передовые и новые выходы, то-есть пути синтеза. Тутъ неизбѣжно необходимо то сочетаніе молодыхъ добрыхъ порывовъ, какъ съ завѣтами достигнутыхъ частей истины, такъ и съ постепеновствомъ, внушаемымъ прошлыми опытами жизни, котораго, по мнѣ, возможно ждать лишь въ условіяхъ, очерченныхъ выше для образованія образцовыхъ русскихъ учителей, профессоровъ и ученыхъ. Въ сутолокѣ жизни, отъ случайного сочетанія вліяній и безъ обезспеченія нарочитаго искаанія истины — ждать этого синтеза нельзя. А онъ, вѣрю, возможенъ, и притти онъ рано или поздно долженъ, да не съ Востока или Запада, а изъ той Средины, которую занимаетъ Россія, и не отъ однихъ вдохновеній, „звуковъ сладкихъ и молитвъ“, а отъ явнаго сочетанія въ дружномъ трудѣ юныхъ и пылкихъ силъ съ мудростю и опытомъ зрѣлой науки, что и хотѣлось бы видѣть въ желаемомъ русскомъ Высшемъ Училищѣ Наставниковъ.

Въ заключеніе своихъ „заключительныхъ мыслей“, относящихся

къ русскому просвѣщенню, считаю долгомъ сказатъ, что въ самыхъ общихъ чертахъ по моему мнѣнію все высшее образованіе должно быть возложено на попеченіе центрального правительства, а начальное, т. е. общенародное и начально-профессиональное должно быть въ рукахъ мѣстныхъ земствъ и городовъ. Среднее же образованіе должно быть ведено, по моему мнѣнію, отчасти, даже преимущественно, подъ вліяніемъ правительства, по также и съ непремѣнныи участіемъ мѣстныхъ жителей. Въ среднемъ образованіи участіе правительства особенно необходимо, потому что въ своемъ существѣ среднее образованіе, какъ я старался выше выразить, по посму мнѣнію, есть только подготовка къ высшему образованію, составляетъ подобіе того, что было когда то при Московскомъ университѣтѣ въ видѣ подготовительного пансиона. Участіе же мѣстныхъ жителей въ организаціи теченія дѣлъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ надобно уже по той причинѣ, что ученики этихъ заведеній прежде всего суть еще члены семействъ, въ которыхъ они получаютъ все первое свое направленіе. Центральное управление всѣмъ просвѣщеніемъ или Министерство народнаго просвѣщенія прежде и болѣе всего должно, по моему мнѣнію, заботиться о двухъ или трехъ сторонахъ дѣла, а именно объ усовершенствованіи уставовъ всякихъ учебныхъ заведеній, о профессорахъ и учителяхъ, обучающихъ юношество, и объ усовершенствованіи учебниковъ и книгъ для начального чтенія, особенно, для начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Ни для одной изъ этихъ цѣлей, по моему мнѣнію, неѣть большей надобности въ учрежденіи отдѣльныхъ учебныхъ округовъ, такъ какъ при помощи разъѣзжающихъ по странѣ инспекторовъ учебныхъ заведеній можетъ быть достигнута вся та мѣра единообразія, которую здѣсь можно требовать и которая, по мнѣ, преимущественно сводится къ тому, чтобы русскій языкъ, уставы заведеній и русскіе законы въ ихъ главнѣйшихъ основаніяхъ были соблюдаены во всѣхъ краяхъ Россіи. При поступленіи во всякия среднія учебныя заведенія, по моему мнѣнію, непремѣнно должно требовать, даже отъ инородцевъ, основательнаго знакомства съ русскимъ языкомъ и русской грамотой. Ученики инородныхъ училищъ и профессиональныхъ или начальныхъ, где русскій языкъ не составляетъ одного изъ главныхъ предметовъ, по моему мнѣ-

нію, не могутъ быть допускаемы въ правительственный гимна-
зіи и въ высшія учебныя заведенія, пока они не выдержать
испытанія въ хорошемъ знакомствѣ съ русскимъ языкомъ.
Объ объединеніи они сами или ихъ родители позаботятся,
когда такого рода законъ будетъ существовать.

Избѣгая совершенно сознательно, хотя, быть можетъ, и
не всегда удачно всякихъ видовъ и формъ того витеватаго
и критического изложенія, какое чаще всего мнѣ приходи-
лось читать при обсужденіи вопросовъ, касающихся народ-
наго просвѣщенія, я перейду затѣмъ къ двумъ другимъ
основнымъ предметамъ своихъ завѣтныхъ мыслей, т. е. къ
промышленности и правительственнымъ формамъ, потому что
такъ ужъ сложились мои понятія, что эти три предмета я
не могу обсуждать независимо другъ отъ друга, одно тянетъ
за собой непремѣнно другое и третье. Признаюсь однако,
что въ изложеніи двухъ послѣднихъ предметовъ мнѣ ка-
жется неизбѣжнымъ подчасъ прибѣгать къ приемамъ такого
характера, который мнѣ чуждъ по существу, и это меня
весьма затрудняетъ.

Переживаемое время тяжкой войны, конечно, мало под-
ходяще для принесенія новыхъ крупныхъ жертвъ къ алтарю
общаго нашего просвѣщенія и всего блага народнаго, но
война будить во всѣхъ слояхъ мысли, а мои необходимо
высказывать не отлагая потому уже, что до конца войны—по
сѧ затяжности—того гляди, пожалуй, и не доживешь. Пе-
чатать поэтому спѣшу, насколько могу, надѣясь на прочте-
ніе хотя немногими и хотя въ эпоху того особаго, чуткаго
возбужденія, которое навѣрное наступитъ послѣ заключенія
предстоящаго мира. Если Россія получить отъ войны кон-
трибуцію, ея примѣненіе къ росту военной нашей обороны,
образованія и промышленности—будеть естественнымъ, но
если и не получили бы мы японской контрибуції—рости во
всѣхъ отношеніяхъ все же намъ неизбѣжно—ради естест-
венности самосохраненія и неизбѣжности всего міроваго
прогресса. Оно, пожалуй, даже и лучше—рости просто изъ
нутра; будеть хоть помедленнѣе, но покрѣпче и здоровѣе.
Способовъ-то хватить.

Боблово, 16 іюля 1904 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 августа 1904 г.